

УДК 801.5

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.С. Жукова

Томский государственный педагогический университет

E-mail: svolkov@mail.tomsknet.ru

Показаны типологические особенности в морфологии глагола современного немецкого языка, а именно: явление синкретизма, системная избыточность, отраженные категории и существование синтоморфологии. Они выявляются при сопоставлении морфологической подсистемы современного немецкого языка с соответствующими подсистемами русского и английского языков и служат показателями аналитических тенденций в его системе, отражая на синхронном срезе постепенный переход ряда функций от морфологии к синтаксису.

Проблемы языковых изменений, изменений типа языка и, соответственно, грамматической системы интересовали и интересуют исследователей различных направлений как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Начиная примерно с 1970 г. вопросы эволюции грамматической системы и, в частности, вопросы грамматикализации лексических единиц снова становятся актуальными в мировой лингвистике, и встает вопрос о создании теории грамматикализации, ключевой вехой в становлении которой является выход монографии немецкого лингвиста К. Лемана [1], а также работ П. Хоппера и Э. Троггота [2, 3]. Возрождение интереса к этим вопросам связано с ростом интереса к диахронической проблематике и с развитием лингвистической типологии.

Однако не все лингвисты понимают процесс грамматикализации как эволюцию лексических единиц или конструкций с определённым лексическим наполнением, многие рассматривают грамматикализацию в более широком контексте [4], когда «в центре внимания находятся описание грамматических изменений и тех следствий, которое они имеют для лучшего понимания использования языка» [5].

В данной статье рассматриваются изменения в грамматической системе немецкого языка, и в частности, изменения, ведущие к изменению отношений между морфологией и синтаксисом, а, следовательно, к изменению типа языка. Следы подобного рода изменений находят своё отражение и на синхронном срезе языка в существовании в его системе типологически значимых явлений, которые наиболее заметны при сопоставлении современного состояния языка с его более ранними историческими состояниями, а также с другими языковыми системами.

Именно сопоставление позволяет выявить те особенности языковых систем, которые как бы «ускользают» при их отдельном рассмотрении. Сопоставление глагольной подсистемы современного немецкого языка с соответствующими подсистемами русского и английского языков и с состоянием этих подсистем в древний период развития языка даёт возможность показать типологические осо-

бенности морфологии современного немецкого языка, что представляется немаловажным, так как эти особенности в определенной степени объясняют ряд спорных моментов, возникающих при описании его морфологической парадигмы.

Известно, что среди лингвистов нет единства мнений относительно состава морфологических категорий и их членения. Можно привести немало примеров, когда исследователи по-разному интерпретируют одни и те же факты того же самого языка. Это имеет место как при описании именной, так и при описании глагольной парадигмы в различных языках. Известны, например, разногласия относительно количества падежей в русском склонении: в одних описаниях выделяется шесть, в других – восемь падежей. Как показал анализ подобных спорных случаев, основные разногласия имеют место, когда часть слов различает большее число словоформ, чем остальная. В подобных ситуациях применяют либо дифференцирующий, либо унифицирующий метод описания морфологических категорий. О вариантах описания см. [6].

В соответствии с дифференцирующим методом допускается, что отдельные морфологические категории могут быть представлены в языке несколькими парадигмами, содержащими различное количество словоформ. Это, в свою очередь, связано с признанием существования в парадигме с меньшим числом словоформ синкретичных форм и отрицанием явления омонимии. Когда же состав парадигмы одного подкласса определяется по аналогии с парадигмой другого подкласса, содержащего большее число форм, то, естественно, в описание вводятся омонимы. То есть проблема выбора метода связана с проблемой разграничения омонимии и синкретизма. О разграничении синкретизма и омонимии см. [7].

Унифицирующий метод описания морфологических категорий распространен при трактовке парадигмы английского глагола. Согласно унифицирующему методу число словоформ в парадигме всех английских глаголов считается равным количеству форм парадигмы глагола *to be*, так как одна фонетическая форма регулярного глагола рассматривается как ряд омонимов [8].

Однако, едва ли не общепризнанной является точка зрения на тождественные формы в микропарадигме глагола современного немецкого языка как на омонимичные. Представляется целесообразным применение дифференцирующего метода при описании морфологических категорий не только английского, но и современного немецкого языка, так как применение унифицирующего метода описания заслоняет перспективу развития языковой системы. Дифференцирующий метод, согласно которому отдельные морфологические категории могут быть представлены одновременно несколькими парадигмами, содержащими различное количество словоформ, позволяет показать в соответствии с онтологией языковой системы постепенность языковых изменений, так как выделяет соответствующие подклассы, в существовании которых на синхронном срезе отражаются определенные морфологические изменения. Применение унифицирующего метода как бы «затемняет» те изменения, которые происходили и происходят в системе языка. В частности остается в «тени» определенный сдвиг в способе передачи ряда значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс уже завершён в английском языке, и современный английский язык относится к аналитическому типу. В современном немецком языке как раз происходит передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим, то есть имеет место изменение отношений между синтаксическим и морфологическим уровнями, что свидетельствует о тенденции к изоляции¹ в системе современного немецкого языка. Ср. в этой связи систему современного русского языка, где соответствующие значения выражаются на уровне морфологии.

Рассмотрим, например, выражение значений лица и числа глагола в современном русском, английском и немецком языках. В современном русском языке значения лица и числа выражаются самой формой слова, так как в его системе существуют морфологические категории лица и числа. Ср.: *(Я) читаю книгу*. При употреблении в предложении и подлежащего, и сказуемого значения лица и числа оказываются выражены дважды: морфологически и синтаксически, то есть выражение значений лица и числа характеризуется избыточностью. Однако эта избыточность возникает не всегда, когда надо выразить значение лица и числа, так как двусоставность предложения не является в современном русском языке обязательной. (Ср.: *Сижу и читаю. Я сплю, а они кричат*). Она появляется при функционировании личной формы глагола в определенном окружении, зависит от коммуникативных намерений говорящего и может быть названа «функциональной» (или речевой) избыточностью.

Ср. систему современного английского языка, для которой характерно завершение процесса пе-

редачи определенных функций от морфологии к синтаксису, т. е. завершение процесса аналитизма. Выражение значений лица и числа в современном английском языке происходит только синтаксически, например, *I read a book* (исключение – 3-е лицо единственного числа настоящего времени).

В отличие от русского языка для системы современного немецкого языка, также как и для английского языка, характерна обязательная двусоставность предложения. Поэтому лицо и число глагола в большинстве случаев выражается и морфологически, и синтаксически в структуре предложения через подлежащее. Ср.: *Ich lese ein Buch*.

В современном немецком языке существуют синтаксические парадигмы лица и числа [10]. Одним из требований при выделении словоизменяющей парадигмы является ее облигатность. Это обеспечивает регулярность использования соответствующей морфологической категории. «Условием определения парадигмы предложения является сохранение единых принципов выделения парадигм на уровне морфологии и синтаксиса» [11. С. 99]. Тогда использование в синтаксисе указанного выше принципа выделения морфологической категории предполагает, что и синтаксическая парадигма может быть установлена только в случае облигатности синтаксических средств выражения соответствующих значений. Личное местоимение в германских языках выполняет в предложении (в позиции при глагольной форме) синтаксическую функцию подлежащего, и ее обязательное употребление связано именно с этой синтаксической функцией, как одного из главных членов предложения, то есть отношение к лицу и числу выражается синтаксически – соотносённостью глагола сказуемого с определенным подлежащим – личным местоимением. Сочетание личного местоимения с глагольной формой рассматривается как предикативное сочетание. В современном немецком языке предикативное сочетание *S+P* имеет обязательный двухкомпонентный состав в отличие от русского языка, в котором употребление подлежащего факультативно, и возможны односоставные конструкции: *(S)+P*. Изменение предикативного сочетания по лицам и числам образует синтаксическую парадигму лица и числа.

Все это дает возможность заключить, что в современном немецком языке значения морфологических категорий лица и числа носят избыточный характер, так как соответствующие значения выражаются и синтаксически. Например: *Ich frage. Du fragst. Er fragt*. Эта избыточность проявляется независимо от коммуникативных намерений говорящего (ср. с приведёнными выше примерами «функциональной» избыточности), так как она наблюдается всегда, когда надо выразить значение лица и числа. Следовательно, она возникает не в

¹ «Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции, чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [9. С. 83–84].

процессе функционирования языковой системы, а уже «заложена» в системе языка и проявляется при ее употреблении. Такая избыточность может быть названа «системной» избыточностью. Она принадлежит языковой системе и отражает типологические особенности этой системы. В современном немецком языке «системная» избыточность обусловлена сосуществованием в его системе двух категорий (синтаксической и морфологической) для выражения тех же самых значений и отражает изменения, происходящие в системе языка, а именно: сдвиг в передаче соответствующих значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс, естественно, носит постепенный характер, так как язык должен постоянно выполнять свою функцию как средство общения. Поэтому какое-то время подобное сосуществование синтаксической и морфологической категорий, а, следовательно, «системной» избыточности неизбежно. Подробно о видах, функциях и роли избыточности в системе языка см. [12].

Переход ряда функций от морфологии к синтаксису наряду с постепенностью, характеризуется настолько тесным взаимодействием синтаксического и морфологического уровней, настолько тесным их переплетением при выражении определенных значений, что представляется уместным ставить вопрос о синтоморфологии. О необходимости выделения синтоморфологии см. [13].

В подобном межуровневом взаимодействии, позволяющем говорить о синтоморфологии, отражаются на синхронном срезе те изменения, которые происходят в языковой системе современного немецкого языка. Следовательно, выделение синтоморфологии представляется важным не только для диахронического описания языковой системы, но и для описания ее синхронного состояния.

При синхронном описании в области синтоморфологии следует рассматривать те морфологические явления, которые непосредственно включены в синтаксическую систему, для которых синтаксическая функция вторична или даже первична [14]. При таком понимании синтоморфологии к ней могут быть отнесены отраженные категории², морфологические формы которых вплетены в соответствующие синтаксические структуры и являются с точки зрения коммуникативной функции языка избыточными. Функциональная значимость данных категорий проявляется именно на синтаксическом уровне. В системе современного немецкого языка к таким морфологическим категориям относятся категории волеизъявления/не-волеизъявления [15], косвенности/некосвенности [7], категория лица и числа [10], которые функционируют на фоне аналогичных синтаксических категорий. Синтаксические конструкции, включающие в себя словоформы избыточных морфологических кате-

горий, представляют собой синтаксические формы соответствующих синтаксических категорий. О синтаксической форме см. [16. С. 6].

Например, противопоставленные синтаксические формы выражения косвенной и прямой речи можно обозначить следующим образом: *S – P [глагол говорения], dass S (местоимение) ... – P [глагол в комментативе] / S – P [глагол в индикативе]*. Изменение данных синтаксических конструкций косвенной и прямой речи по лицам, числам и временам образует синтаксическую парадигму категории вида речи. Аналогично, противопоставленные повествовательные *S – P [глагол в индикативе]* и побудительные *P [глагол в императиве или в индикативе] – (S)* синтаксические конструкции, выражающие не-волеизъявление и, соответственно, волеизъявление, образуют синтаксическую парадигму категории волеизъявления / не-волеизъявления.

Отраженные морфологические категории – избыточные в языковой системе – являются типологической особенностью морфологической подсистемы современного немецкого языка, которая нехарактерна для морфологии современного русского и английского языков. Так, в современном русском языке морфологические категории лица и числа не являются отраженными. Аналогично, в системе древневерхненемецкого языка значение этих категорий не были отраженными и, соответственно, избыточными. Таковыми они становятся по мере развития в системе немецкого языка синтаксических средств и перехода к ним соответствующих функций от единиц морфологического уровня. В древневерхненемецком языке не была обязательной двусоставность предложения, и выражение значений лица и числа не характеризовалось «системной» избыточностью. При употреблении в предложении и подлежащего, и сказуемого возникла функциональная избыточность (как в системе современного русского языка), которая по мере развития языка и закрепления нормой обязательной двусоставности предложения перешла в «системную». Другими словами, между «функциональной» и «системной» избыточностью нет резкой границы, а возможен их взаимопереход, который сопровождается изменением характера значения соответствующей морфологической категории. В отличие от древневерхненемецкого периода значения категорий лица и числа становятся отраженными, а сами морфологические категории – избыточными.

«Системная» избыточность имеет самое непосредственное отношение к синтоморфологии, так как характеризует категории, принадлежащие этой области взаимодействия синтаксического и морфологического уровней. В том случае, когда соответствующее грамматическое значение выражается синтаксической структурой, включающей в себя наряду с собственно синтаксическими средствами также

² Отраженные категории – «это категории, лишенные собственного референтного содержания и сигнализирующие лишь о синтаксической соотнесенности элементов предложения» [17. С. 27].

средства словоизменения (что имеет место в современном немецком языке при выражении значений лица и числа глагола, волеизъявления и т. д.), речь идёт о сложном синтаксическом маркере, который подобен сложному маркеру словоформы, «включающему в себя внутреннюю флексию» [14. С. 87]. Ср.: *Ich gehe. Du fragst; das Buch – die Bücher.*

Рассмотренное системное дублирование в выражении определенных значений не может оставаться постоянным. Преодоление «сисистемной» избыточности означает завершение процесса передачи ряда функций от морфологии к синтаксису. В системе современного английского языка выражение значений лица и числа происходит практически только синтаксическими средствами. Морфологическая парадигма как таковая в современном английском языке отсутствует. Сохранилась лишь одна форма, обозначающая третье лицо единственного числа. Остальные члены парадигмы совпали с исходной базисной формой слова в процессе отмирания морфологической категории лица и числа. Таким образом, выражение значений лица и числа в английском языке в отличие от немецкого языка не характеризуется «системной» избыточностью.

Преодоление этой избыточности происходит в отдельных случаях и в системе современного немецкого языка. Это – случаи синкретизма. «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различия соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [14. С. 21]. Так, например, категориальное значение синкретичной формы *kommen* (*wir, sie*) не-второе лицо множественного числа шире значений соответствующих несинкретичных форм: *komme* (*ich*), *kommt* (*er*). Именно это более широкое значение выражается морфологически. Дифференциация между первым и третьим лицом множественного числа презенса происходит на уровне синтаксиса, поэтому в данном случае не наблюдается избыточности, которая неизбежно проявляется при употреблении несинкретичных форм. В самом факте существования синкретичных форм отражается постепенный характер преодоления этой избыточности и проявляется типологическая значимость соответствующих морфологических категорий глагола современного немецкого языка. Отмеченная типологическая особенность выявляется при сопоставлении системы современного немецкого языка с древневерхне-немецким. Так, например, значения первого и третьего лица множественного числа настоящего времени в древне-немецком четко выражались самой словоформой. Ср.:

Древневерхне-немецкий	Современный немецкий
1-е лицо мн. ч. <i>bint – a – mes</i>	<i>binden</i> (<i>wir, sie</i>) не-второе лицо мн. ч.
3-е лицо мн. ч. <i>bint – a – nt</i>	

Аналогично, значение лица и числа четко выражены на уровне морфологии в современном русском языке:

иду	идём
идёшь	идёте
идёт	идут

Ср. в современном английском языке: (*I, you, we, they*) *go – (he, she) goes.*

Дифференцирующий метод описания морфологических категорий в современной германистике был применен при описании глагольных категорий: категории наклонения [14], лица и числа [10]. Представляется плодотворным применение дифференцирующего метода и при описании имени, так как типологические особенности, характеризующие глагольную подсистему современного немецкого языка, наблюдаются и в подсистеме имени. Показательно, что в именной подсистеме современного немецкого языка явление синкретизма еще более распространено, чем в глагольной. С рассмотренных в данной статье теоретических позиций была описана только подсистема имени прилагательного [18].

Анализ категорий имени прилагательного, так же как и категорий глагола показывает, что вопрос о принадлежности грамматических категорий к морфологическим или синтаксическим должен решаться для каждого конкретного языка в отдельности с учетом его конкретно-исторического состояния. Особое значение разграничение морфологических и синтаксических категорий и установление принадлежности соответствующих категорий к синтоморфологии приобретает при типологической характеристике языка, так как их недифференцированное рассмотрение приводит к игнорированию структурных особенностей различных языков и происходящих типологических изменений в системе одного и того же языка. Примером тому является трактовка рассмотренных выше категорий лица и числа глагола, категории волеизъявления/не-волеизъявления, косвенности/не-косвенности, а также категорий рода, числа и падежа имени прилагательного в современном немецком языке как чисто морфологических категорий. Подобный подход противоречит реальным языковым фактам. Ср., например, систему древневерхне-немецкого языка и современного немецкого языка.

Морфологическими категориями рода, числа и падежа имени прилагательного будут лишь в том случае, если они принадлежат имени прилагательному как слову и совокупность взаимопротивопоставленных форм выражения грамматических значений на морфологическом уровне составит морфологическую парадигму. Такими указанные категории являются в современном русском языке. Ср.: *белый, белое, белая.*

В современном русском языке большинство прилагательных грамматически оформлено в своей исходной словарной форме, флексия прилагатель-

ного выражает одно из трех значений рода, значения числа и падежа. Однако эти категории могут быть и синтаксическими, если для их выражения obligatory является использование синтаксических средств. Так, в современном немецком языке изменение атрибутивного сочетания по родам, числам и падежам образует синтаксическую парадигму указанных категорий. Обоснование этого положения см. [18].

Для современного немецкого языка в отличие от русского нехарактерно оформление прилагательного в словарной форме категориями рода, числа и падежа. Оно получает возможность их выражения только в определенной синтаксической структуре, в атрибутивном сочетании.

В современном английском языке форма прилагательного остается безучастной к роду, числу и падежу существительного. Внешне это выражается в примыкании прилагательного к существительному.

Ср.: *the good boy – the good girl; the good boy – the good boys.*

I saw a beautiful girl. The beautiful girl read.

В системе современного русского языка категории рода, числа и падежа прилагательного (так же как и категория лица и числа глагола) являются самостоятельными категориями, и имя прилагательное может употребляться вне атрибутивного сочетания. Например: «Какая история? Известная». В современном немецком языке подобное употребление имени прилагательного невозможно, так как свое оформление оно получает только в атрибутивном сочетании. Ср.: *(eine) bekannte Geschichte, die bekannte Geschichte.*

Приведённые примеры демонстрируют тесное взаимодействие единиц морфологического и синтаксического уровней при выражении значений рода, числа и падежа прилагательного в современном немецком языке в период перехода ряда функций от морфологии к синтаксису и подтверждают необходимость выделения синтоморфологии. Значения грамматических категорий рода, числа и падежа имени прилагательного синтаксически обусловлены и выражаются синтаксической структу-

рой, в которую непосредственно включена морфологическая форма имени прилагательного. Ср.:

der neue Freund die neue Zeitung das neue Fenster
м. р. *новый* (друг) ж. р. *новая* (газета) ср. р. *новое* (окно)

Морфологическая форма «neue» выражает недифференцированно значения мужского, женского и среднего рода, её синкретичное значение конкретизируется в сочетании «артикл + имя существительное», с которыми словоформа образует сложный синтаксический маркер. Аналогично, значения падежа имени прилагательного также выражаются сложным синтаксическим маркером, а сама категория падежа в современном немецком языке принадлежит области синтоморфологии. Ср.:

N. *der neue Freund* Им. *новый друг*
G. *des neuen Freundes* Род. *нового друга*
D. *dem neuen Freund* Дат. *новому другу*
A. *den neuen Freund* и т. д.

Не прибегая к понятию синтоморфологии, невозможно объяснить произошедшие и происходящие в системе немецкого языка изменения и определить статус целого ряда морфологических категорий, которые функционируют в системе современного немецкого языка на фоне высокоразвитых синтаксических средств в составе аналогичных синтаксических парадигм и существенно изменили свою значимость по сравнению с древневерхнегерманским периодом.

Таким образом, к типологическим особенностям морфологической подсистемы современного немецкого языка можно отнести те явления, которые возникают в период перехода ряда функций от морфологии к синтаксису и показывают ведущую роль синтаксических средств в выражении определенных значений, находивших прежде свое выражение на уровне морфологии. К подобного рода явлениям в первую очередь следует отнести явление синкретизма, а также существование синтоморфологии, системной избыточности и отраженных морфологических категорий. Выявление и объяснение этих новых явлений представляется важным, так как они типологически релевантны и служат показателями аналитических тенденций в системе современного немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. – München: Lincom Europa, 2002. – 171 p.
2. Hopper P. J. On some principles of grammaticization // *Typological studies in language*. – 1994. – V. 1. – P. 17–35.
3. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 256 p.
4. Bybee J. Mechanism of change in grammaticization: The role of frequency // *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. – P. 602–623.
5. Heine B., Kuteva T. On contact-induced grammaticalization // *Studies in language*. – 2003. – V. 27(3). – P. 529–572.
6. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
7. Жукова Н.С. Категория вида речи и особенности её выражения в современном немецком языке // *Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология)*. – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 45–51.
8. Kuiper K., Allan W.S. An Introduction to English Language: Sound, Word and Sentence. – L.: Macmillan Press, 1996. – 341 p.
9. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // *Аналитические конструкции в языках различных типов*. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 80–89.
10. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 25 с.
11. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1986. – 183 с.

12. Жукова Н.С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 35–42.
13. Докулил М. К вопросу о морфологических противопоставлениях (критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка) // Языкознание в Чехословакии. – М.: Прогресс, 1978. – С. 83–118.
14. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. – М.: Высшая школа, 1987. – 126 с.
15. Жукова Н.С. О статусе императива в системе современного немецкого языка // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 30–36.
16. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1983. – 366 с.
17. Арутюнова Н.Д. Морфологические категории и структура слова в испанском языке (существительное и глагол) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. – М.: Наука, 1970. – С. 27–45.
18. Парамонова Н.Г. Морфосинтаксис прилагательного в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.

УДК 808.2:81'373.612.2:808.861

ОБРАЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале глаголов движения в русских народных говорах)

Л.В. Надеина

Томский политехнический университет
E-mail: nvk@tomsk.mts.ru

На диалектном материале исследуется семантика глаголов, обозначающих поступательное, колебательное и вращательное движение, и выявляются параметры, по которым происходит создание метафорических образов данных типов движения.

В самом широком смысле движение представляет собой «изменение вообще», всякое взаимодействие материальных объектов. Одной из самых многообразных по своему проявлению форм движения является механическое движение. В.Л. Ибрагимов считает, что «все предметы объективного мира способны к механическому движению. Так, например, живые существа совершают это движение самостоятельно, активно; неживые предметы неспособны к активному механическому движению, поскольку движение предметов неживой природы совершается по инициативе и под воздействием живых существ, а также под влиянием различных физических сил природы: будь то сила ветра или сила текущей воды» [1. С. 33].

Простейшая ситуация движения, как известно, сводится к тому, что ее основной участник, то есть перемещающийся или перемещаемый объект, последовательно на протяжении некоторого отрезка времени меняет свое местоположение. Чтобы перемещение осуществлялось, необходимы такие обязательные атрибуты движения, как исходная, конечная точка, способ передвижения, скорость.

Едва ли не самое яркое воплощение идея движения находит в глаголах движения/перемещения, которые составляют в русском языке многочисленную группу. На основе абстрактной категориальной семы «характер движения» лексико-семантическая группа глаголов движения делится на три основных класса: глаголы поступательного движения, колебательного движения и вращательного движения.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать в русских народных говорах семантику глаголов, обозначающих поступательное, колебательное и вращательное движение, и ставится задача выявить параметры, по которым происходит создание метафорических образов данных типов движения. В практическом плане наше исследование опирается на данные словарей говоров Сибири, Среднего Урала, Кузбасса и др. [2–5]. Для анализа из вышеназванных словарей путем сплошной выборки было отобрано 375 глаголов поступательного движения (*дочкаться* (Нижегор.), *дыбать* (Перм.), *натыкаться* (Верш.), *вспасть* (Пск.), *втюхиваться* (Пск.), *втряпаться* (Волог.) и др.), 125 глаголов колебательного движения (*шевелиться* (Верш.), *гомозиться* (Куйбыш.), *дрыгать* (Арх.), *болтаться* (Верш.), *виляться* (Моск.), *взбулындывать* (Ср. Урал.) и др.) и 92 глагола вращательного движения (*вертыхаться* (Новг.), *заботаться* (Ряз.), *плюснуть* (Яросл.), *кружиться* (Ср. Урал.), *вертеться* (Верш.), *вихорить* (Яросл.), *заюровать* (Брян.) и др.).

Известно, что существует связь между движением и зрительным восприятием: все, что появляется в поле зрительного восприятия, независимо от того, произошло ли это в результате перемещения или начала существования, воспринимается обычно как результат перемещения и описывается в терминах движения. Наиболее свойственное человеку и чаще всего наблюдаемое им в окружающем мире поступательное движение, т. е. направленное движение/перемещение.